

Видя, что старик Лю действительно ничего не знает, Лю Яоцин почувствовал в душе странный привкус. Совесть у старика Лю еще не отмерла, но если бы он был в курсе, этот дом стал бы настоящим адом.

— Дядя и Чжун-гэ вчера вечером оглушили тётю Шэнь, ударили Юй-гэра и увезли его, собираясь отправиться в городок. Хотели выдать Юй-гэра замуж за молодого господина из уездного города. Но я их остановил, заставил каждого выпить по полчашки сока большой жгучей травы. Они остались на большой дороге недалеко от деревни...

Старик Лю вышел из дома. Лю Цюаньцзинь уже ушел в поле с мотыгой, а Ли-ши хлопотала на кухне. Син-гэ, потирая глаза, стоял на пороге, тупо глядя во двор, не понимая, что происходит.

Подойдя к дому второй ветви, где жила Шэнь-ши, старик Лю увидел, что она уже встала, но у нее на затылке была шишка, и она сидела на канье, вытирая слезы.

— Эх, — тяжело вздохнул старик Лю и обратился к Младшей Ли-ши, которая неприглядно стояла у двери. — Позови Чжэн-гэ и Мин-гэ, пусть идут со мной. А ты иди в поле и позови Цюаньцзиня, пусть подойдет к окраине деревни, чтобы помочь...

— Зачем? — спросила Младшая Ли-ши, неохотно выходя. Она ждала, чтобы помочь подать еду и украдкой перехватить пару кусочков.

Старик Лю сердито посмотрел на нее:

— Иди и делай, что сказано! Женщинам что задавать столько вопросов!

Он явно разозлился, и Младшая Ли-ши, не смея больше перечить, поспешно вышла из дома.

Снаружи большинство людей уже шли в поле с мотыгами или занимались огородами. Трудлюбивые крестьяне готовы были жить и спать на поле, лишь бы урожай вырос хорошим.

Выйдя из деревни на большую дорогу, по обеим сторонам виднелись поля, и люди постепенно появлялись с мотыгами. Вдали показалась повозка, запряженная пегой лошадей, которая с громким цоканьем остановилась по команде кучера.

— Это деревня Шангу? — спросил кучер у людей, работавших в поле.

— Именно! — крикнули в ответ.

Кучер успокоился, заметив, что лошадь нервно фыркает, и пробормотал:

— Что за запах, просто дышать невозможно. Молодой господин, нам заезжать в деревню?

— Сперва узнай, где живет Цин-гэр, — раздался голос из повозки.

Однако запах здесь был действительно невыносим, и молодой господин, не выдержав, вышел из повозки и вместе с кучером пошел к людям в поле. Лошадь, оставшись одна, нервно топталась на месте, оглянулась на удаляющихся хозяев и, фыркнув, двинулась вперед, свернув на узкую тропку.

Там, где трава была гуще, лошадь наклонила голову, постучала копытом и подняла ногу, чтобы наступить.

Раздался вопль, и из травы выкатился человек.

Лошадь быстро развернула повозку и вернулась на большую дорогу, фыркнув. Видимо, тот странный запах, который она почувствовала, был не от обычного навоза, а от человека, спрятавшегося в траве. Лошадь его и выдала.

Как раз в этот момент старик Лю с Чжэн-гэ и Мин-гэ, а также поспешно вернувшийся с поля Лю Цюаньцин, вышли из деревни и, услышав вопль, подбежали к месту происшествия. На узкой тропке они увидели Лю Цюаньфу.

От его запаха просто глаза слезились, штаны были испачканы, а живот бурлил. Лю Цюаньфу выглядел так, будто только что вылез из навозной ямы. Увидев старика Лю, он разрыдался.

— Что здесь произошло? — возмутился Лю Цюаньцин, едва взглянув на него. — Кто это сделал? Если я узнаю, кому я обязан, я ему ноги переломаю!

— Ладно, я здесь останусь, а вы идите, принесите воды, — сказал старик Лю, понимая, что сам не сможет к этому прикоснуться. Он попросил Лю Цюаньцина взять с собой Чжэн-гэ и Мин-гэ, чтобы принести воды и хотя бы немного смыть грязь.

Лю Яочжун, все еще прятаясь в стоге сена, высунул голову, но не решался выйти. Он плакал еще сильнее:

— Дедушка.

— Эх, оставайся там, сначала смоем грязь, — сказал старик Лю, увидев, что руки Лю Цюаньфу связаны за спиной, и, судя по всему, рука была сломана. Он подошел, чтобы развязать веревку, и сердце его сжалось.

Этот сын был его любимцем с самого рождения. Хотя с возрастом он вел себя все хуже, серьезных проблем он не создавал. Старик Лю считал, что воспитал детей хорошо, но, глядя на нынешнее жалкое состояние Лю Цюаньфу, он почувствовал горечь.

Лю Яочжун, его старший внук, был крепким мужчиной с приятной внешностью, и жену ему было бы найти несложно. Но теперь, видя его в таком состоянии, старик Лю почувствовал еще большую боль. Он подошел, развязал веревку и, похлопав Лю Яочжуна по плечу, замолчал.

Вскоре Лю Цюаньцин с Чжэн-гэ и Мин-гэ принесли воду и стали поливать Лю Цюаньфу, снимая с него штаны, чтобы смыть грязь.

Любопытные зеваки стали подходить, но старик Лю снял с себя одежду и накрыл Лю Цюаньфу, мрачно молча. Люди, видя это, не решались задавать вопросы.

Грязь смыли, но Лю Цюаньфу и Лю Яочжун продолжали мучиться от диареи. Большая жгучая трава вызывала три дня поноса, и это было неизбежно — меньше трех дней не обходилось.

В конце концов Лю Цюаньцин притащил из дома тележку, застелил ее соломой, посадил Лю Яочжуна и Лю Цюаньфу с голыми ногами, накрыл их одеждой и повез тележку домой.

Старик Лю, мрачный и медлительный, шел следом, постепенно входя в деревню.

Наблюдавшие за этим зеваки принялись обсуждать происшествие.

— Вот уж действительно грех, что же эти двое натворили, чтобы их так наказали?

— Кто знает, про Чжун-гэ я не в курсе, но Лю Цюаньфу всегда был лентяем, так что некоторые

могли его невзлюбить.

— Но это уже перебор, как теперь старик Лю будет жить? Он ведь очень гордится своей репутацией.

— Если он сам не смог воспитать сына, то может ли винить других? — сказал один из зрителей, явно недолголюбивавший Лю Цюаньфу. Если бы здесь не было столько людей, он бы, наверное, захлопал в ладоши.

Один из стоящих в стороне обратился к приехавшим на повозке:

— Эй, вы ведь спрашивали про Цин-гэра? Вот эти люди — его семья.

— Вот это да, любопытно.

Говорящий был Гао Фугуй, о котором в городке ходили слухи, что он чуть не обрел бессмертие, выпив вина из диких ягод. Он уговорил старого врача и узнал, что «Нектар небожителей» изготовил Цин-гэр из деревни Шангу, и приехал сюда на повозке.

И надо сказать, вино из диких ягод действительно помогло. Гао Фугуй, который раньше был на грани смерти, теперь, после регулярного употребления этого вина, выглядел здоровым и полным сил. Его отец был так рад, что уже начал подыскивать ему невесту, но Гао Фугуй, устав от этого, поспешил найти Лю Яоцина.

Он уже узнал, что Лю Яоцин живет в деревне, но, увидев его семью, понял, что запах здесь просто невыносим. Даже лошадь сама убежала подальше.

— Мы все еще пойдем? — спросил кучер.

— Конечно, пойдем, — ответил Гао Фугуй, хотя и ему было неприятно. Но он подумал, что в их семье, где было много имущества, а отец в молодости был большим любителем женщин, случались и более отвратительные вещи.

Тележку вкатили во двор, и Ли-ши (мать), увидев это, почувствовала горькую обиду. Она зло посмотрела на Лю Цюаньцзиня:

— Третий, кто это сделал?

— Откуда мне знать, я ведь не бог, — сказал Лю Яоцин, сидя на скамейке во дворе и держа на руках Эр Ха, глядя его по шерсти. — Мой дядя совершил дурной поступок, и небеса его наказали.

— Ты слишком умный, — злобно сказала Ли-ши и велела снохе Ли-ши и Младшей Ли-ши нагреть воды, а Лю Цюаньцзиню помочь постелить солому на канье, чтобы уложить Лю Цюаньфу.

Ли-ши зашла в дом, взяла немного риса и сама поставила его на маленькую печь, чтобы сварить кашу.

От большой жгучей травы нет противоядия. Если это ребенок, можно заставить его пить воду, но взрослый должен терпеть три дня. В деревне все знали, что эту траву нельзя есть, но в семье Лю это случилось уже не в первый раз.

Старик Лю, закулив трубку, сидел под навесом главной комнаты, глядя на Лю Яоцина, но

ничего не сказал.

В главной комнате стало тихо, но вскоре Лю Цюаньфу выбежал, придерживая зад, и побежал в туалет, его жир тряся на бегу.

<http://bllate.org/book/16688/1531768>